

Дѣло объ уничтоженіи эстампа съ изображеніемъ казни Людовика XVI-го.

(Изъ исторіи цензуры въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Второй).

16-го ноября 1798 года главнокомандующій Москвы князь Александръ Александровичъ Прозоровскій въ письмѣ на имя оберъ - прокурора Сената Николая Николаевича Салтыкова писалъ:

Милостивый Государь мой, Николай Николаевичъ!

„Не знаю, какимъ образомъ вошелъ эстампъ въ Москву богопротивной казни короля Французскаго, и между прочими достался О कोरोкову, содержателю Университетской Типографіи, который мнѣ объявилъ, что онъ сей эстампъ отдалъ вырѣзать граверу въ Сенатской Типографіи. Я считаю, что сіе зрѣлище есть не прилично для каждаго благомыслящаго человѣка; для чего покорнѣйше Вашего Превосходительства прошу оны эстампы и доску, отобравъ, ко мнѣ доставить, а граверу безъ дозволенія Вашего никакихъ досокъ для эстамповъ не вырѣзывать. На что, ожидая отвѣтствія съ подателемъ же сего, пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, Вашего Превосходительства, милостиваго государя моего, покорный слуга, князь Александръ Прозоровскій“.

Оберъ-прокуроръ Салтыковъ, въ виду особенной важности просьбы Прозоровскаго, немедленно же приступилъ къ ея исполненію. Въ это же время имъ было получено дополнительное письмо князя Прозоровскаго, слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь мой, Николай Николаевичъ!

„Я не выполнилъ въ первомъ письмѣ моемъ къ Вашему Превосходительству, что граверъ рѣжетъ доску извѣстнаго эстампа не Сенатскій, но живущій въ Сенатской Типографіи,

нанятой О कोरोковымъ изъ Академіи Художествъ, Николай Ивановъ Соколовъ. То все по письму моему прикажите оный эстампъ и доску отобрать, и не знаю, съ позволенія-ль онъ Оберъ-Прокурора тамъ помѣщается, также увѣдомить. Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, Вашего Превосходительства, милостиваго государя моего, покорный слуга князь Александръ Прозоровскій“.

Что отвѣчалъ Салтыковъ на вопросъ о томъ, съ его ли разрѣшенія помѣщается въ Сенатской Типографіи граверъ Соколовъ,—неизвѣстно, такъ какъ отвѣтнаго письма оберъ-прокурора къ главнокомандующему въ дѣлѣ не сохранилось. Эстампъ же и доска были въ тотъ же день доставлены къ князю А. А. Прозоровскому.

Получивъ эти вещи, главнокомандующій распорядился немедленно вызвать къ себѣ на домъ О कोरोкова и учинить ему строгій допросъ.

Допросъ былъ произведенъ въ тотъ же день. На поставленный О कोरोкову вопросъ объ эстампѣ онъ показалъ слѣдующее: „Предки его были въ Веневскомъ купечествѣ; съ дѣтства служилъ онъ въ Сенатской Межевой Экспедиціи въ ученикахъ въ Чертежной, гдѣ и произведенъ землемѣромъ въ чинъ армейскаго подпоручика“. Слышалъ онъ, О कोरोковъ, не помнитъ отъ кого, будто есть въ Петербургѣ эстампъ съ изображеніемъ казни короля Людовика XVI-го, и въ газетахъ петербургскихъ читалъ, что собирается даже подписка на печатаніе этого эстампа. Этому прошло недѣль шесть. Онъ, О कोरोковъ, издавна имѣлъ переписку съ секундъ-ротмистромъ конной гвардіи Алексѣемъ Пашковымъ, котораго онъ и просилъ, „чтобы онъ, купя его, прислалъ къ нему“. Пашковъ исполнилъ его просьбу и выслалъ ему эстампъ и портретъ короля французскаго, при чемъ выслалъ ихъ въ незапечатанномъ пакетѣ; и на почтѣ этихъ вещей ему не выдали. Но потомъ онъ все-таки получилъ ихъ. И по полученіи, писалъ Пашкову, спрашивая, публично ли или секретно продаются эти вещи въ Петербургѣ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ ихъ купилъ публично, а не секретно. Послѣ этого, онъ О कोरोковъ, отдалъ эстампъ граверу Николаю Ивановичу Соколову, „который имъ приговоренъ изъ Петербургской Академіи Наукъ, гдѣ онъ былъ помощникомъ у Скородумова“; граверъ имѣетъ отпускъ изъ Академіи. У О कोरोкова съ Соколовымъ сначала былъ договоръ, по которому первый обязанъ былъ платить послѣднему 300 рублей жалованья; потомъ же этотъ договоръ былъ измѣненъ такъ, чтобы платить „съ работы“.

Такъ какъ въ Университетской Типографіи для Соколова не оказалось мѣста, то онъ, О कोरोковъ, помѣстилъ его въ Сенатскую Типографію, которая находится „на содержаніи у него жъ“. Въ настоящее время Соколовъ еще не окончилъ работы. „Намѣреніе же его, О कोरोкова, было оный эстампъ внести въ университетскую цензуру и послѣ продавать“. Другого намѣренія онъ, О कोरोковъ, не имѣлъ, кромѣ „единой корысти“. Когда О कोरोкову было указано, что онъ самъ, „кажется, могъ разумѣть, что зрѣлище сего эстампа есть непріятное“, онъ отвѣчалъ, что „и ему такъ сначала казалось“; но потомъ, на основаніи письма Пашкова, онъ подумалъ, что разъ въ Петербургѣ подобныя вещи продаются публично, то не будетъ, конечно, предосудительнымъ изданіе этого эстампа, а также продажа его и въ Москвѣ. На вопросъ почему О कोरोковъ не представилъ на цензуру этого эстампа прежде, чѣмъ отдавать его граверу, онъ отвѣчалъ тѣмъ же указаніемъ на письмо Пашкова; „а въ цензуру не прежде представить хотѣлъ, какъ тогда, когда доска вырѣжется“. Этотъ эстампъ О कोरोковъ показывалъ „многимъ изъ университетскихъ“, между прочими видѣлъ его „одинъ переводчикъ, который у него при переводѣ газетъ“. Въ концѣ допроса О कोरोкову было сказано: „Извѣстно каждому въ Россіи, что всякая связь съ Франціею запрещена и всякаго рода получать оттуда товары, и, слѣдовательно, могъ бы онъ (О कोरोковъ) понять, что сей эстампъ въ Петербургѣ привезенъ секретно“. Но О कोरोковъ и на этотъ разъ отвѣчалъ: „сего не дозналъ, а положился на увѣреніе, какъ выше сказано, г. Пашкова“.

Допросъ производилъ самъ А. А. Прозоровскій. Содержаніе допроса было признано не подлежащимъ ни малѣйшей огласкѣ, а потому тогда же былъ составленъ и объявленъ О कोरोкову слѣдующій указъ:

„1798 года, ноября 16 дня, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ объявлено содержателю Университетской Типографіи, подпоручику Василю Иванову сыну О कोरोкову, чтобъ онъ о томъ, о чемъ былъ спрашиванъ Его Сіятельствомъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ и во всей губерніи Московской, генералъ-аншефомъ, сенаторомъ и кавалеромъ, княземъ Александромъ Александровичемъ Прозоровскимъ, относительно до эстампа о казни короля Французскаго, и что въ отвѣтахъ своихъ показалъ, отнюдь, ни подъ какимъ, видомъ, никому не объявлялъ, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго по законамъ наказанія“.

Вѣроятно, еще раньше Окорокова былъ допрошенъ по этому же дѣлу проживавшій въ Москвѣ итальянецъ Себастьянъ Черфали. Показаніе его приведемъ въ донесеніи о результатахъ разслѣдованія Главнокомандующаго въ Москвѣ Государынѣ Императрицѣ, каковое донесеніе было отправлено кн. Прозоровскимъ на другой же день. Это донесеніе заключаетъ въ себѣ очень большія подробности, а потому мы приводимъ его въ цѣломъ видѣ.

„Всемиловѣйшая Государыня!

„Такъ какъ я, со времени моего донесенія Вашему Императорскому Величеству и по нынѣ, все нездоровъ, для чего принужденъ содержать діету и никуда не выѣзжаю, кромѣ какъ въ хорошее время, если случится прогуливаться, да черезъ силу выѣзжалъ въ празднованіе всерадостнаго для всѣхъ насъ высочайшаго Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Александра Павловича бракосочетанія,—то, съ публикой не видясь, мало слышу, а паче что въ таковыхъ обстоятельствахъ, каковыя Ваше Величество ниже усмотрѣть изволите, отъ меня и отъ полиціи крайне остерегаются, а вижу только тѣхъ, которые изъ пріятелей моихъ меня посѣщаютъ, отъ которыхъ свѣдалъ я, что появился эстампъ смерти Короля Французскаго и что оный намѣрены здѣсь печатать, но кто и у кого, свѣдѣнія не имѣлъ. Я приказалъ полиціймейстеру тотчасъ, чрезъ конфидентовъ, о томъ развѣдать. Тотчасъ купили, чрезъ одного купца, у пріѣхавшаго сюда изъ Петербурга, итальянца Савостьяна Черфалия, котораго послѣ полиціймейстеръ спрашивалъ, гдѣ онъ ихъ взялъ. Онъ сказалъ, что, проѣзжая черезъ Тверь, купилъ 5 эстамповъ смерти Королевской у живущаго въ Твери итальянца Голлени, у коего оныхъ было до 20. Изъ купленныхъ же имъ продалъ два графу Бутурлину, одинъ бригадиру Козлову и одинъ совѣтнику Алсуфьеву, а пятый купленъ вышесказаннымъ конфидентомъ и ко мнѣ представленъ. Эстампы же прощанья Короля съ фамиліей (Черфали) купилъ здѣсь у итальянца Іосифа Веніори, изъ которыхъ нѣсколько продалъ разнымъ людямъ, а оставшіе, какъ у него, такъ и у Веніори, отобраны полиціймейстеромъ. Іосифъ же Веніори получилъ изъ Аувсбурга. Въ прочемъ Черфали объявилъ, что эстампы смерти Королевской продаются въ Петербургѣ у итальянца Карла Травелли, живущаго въ домѣ Милютина на Преспективной, противъ церкви Католической, также и у итальянца Роспинни. Я два эстампа прощанія Короля съ фамиліей и

одинъ смерти Королевской здѣсь на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества препровождаю. А между тѣмъ свѣдалъ отъ того же конфидента, что онъ видѣлъ въ Сенатской Типографіи сей эстампъ, котораго граверъ дѣлаетъ доску по повелѣнію содержателя Типографій Университетской и Сенатской, отставнаго изъ землемѣровъ Сенатской экспедиціи, въ чинѣ отъ арміи подпоручика, Окорокова. Я призвалъ его къ себѣ, спрашивалъ и, что онъ показалъ, здѣсь всеподданнѣйше приобщилъ въ оригиналѣ. Я, Всемилостивѣйшая Государыня, оставивъ его на свободѣ, взявъ съ него обязательство въ молчаніи—за чѣмъ онъ ко мнѣ былъ призванъ, полагая, чтобы сію исторію, сколько можно, сдѣлать меньше гласною, для чего и распроданные эстампы не отбиралъ. Да слышу я, что у нѣкоторыхъ есть полученные изъ Петербурга, но у кого—свѣдать не могъ, хотя и увѣряетъ Окороковъ, что лейбъ-гвардіи секундъ-ротмистръ Пашковъ, какъ Ваше Императорское Величество изъ допроса видѣть изволите, увѣрилъ его, что оный эстампъ публично въ С.-Петербургѣ продается, но сему вѣры дать не могу, то разсудилъ оный, яко для всякаго благомыслящаго человѣка непріятное зрѣлище, удержать и всенижайше донести Вашему Императорскому Величеству и ожидать на сіе Высочайшаго Указа, доску жъ и эстампъ отъ гравера, чрезъ сношеніе мое съ оберъ-прокуроромъ Салтыковымъ, изъ Сенатской Типографіи отобралъ и взялъ къ себѣ“.

Какая резолюція послѣдовала на этомъ донесеніи кн. А. А. Прозоровскаго, и чѣмъ вообще окончилось все это дѣло—свѣдѣній объ этомъ въ просмотрѣнныхъ нами документахъ не имѣется. (Моск. Архивъ М-ва Юстиціи. Дѣло Канцеляріи Московскихъ Губернаторовъ, № 181110).

Н. Г. Высоцкій.

